

The background of the entire image is an abstract composition of vibrant green and blue light trails. These trails are curved and flowing, creating a sense of dynamic movement and energy. They are set against a dark, almost black, background, which makes the bright colors stand out. There are also some small, bright green dots scattered throughout the composition, adding to the futuristic or digital feel of the image.

**Максим
Исаев**

Рыбалка с Борисом Бешенным

Максим Исаев

Рыбалка с Борисом Бешенным

«Автор»

2026

Максим Исаев

Рыбалка с Борисом Бешенным / Максим Исаев — «Автор», 2026

Уникальная способность моего друга и однокурсника Бориса по прозвищу Бешеный всю жизнь после института то шокирует нас, то приводит в отчаяние...

© Максим Исаев, 2026

© Автор, 2026

Максим Исаев

Рыбалка с Борисом Бешеным

Рыбалка с бедным Борисом Бешеным

Юмористический рассказ

Друзья, если кто читал мой рассказ о Борисе Бешеном, то наверняка помнит, что я обещал написать о том, как я первый раз в жизни ездил на рыбалку со своим другом и по совместительству однокурсником Бориком, как мы его всегда называли. И теперь вот решил выполнить своё обещание. Но в самом начале я должен предупредить вас, что если у кого завышенное чувство юмора или раздутый живот, то сходите сначала на горшок, ибо я не ручаюсь за последствия от прочитанного — вполне может случиться неожиданность прямо в штаны, добежать до сортира не успеете.

Случилась сия невероятная, чуть не ставшая трагической, в то же время весьма забавная, бескручинная, с нашими дринканутыми головами история в далёкие романтические, полные наивности и ожиданий девяностые годы, когда мы впервые слышали много новых слов, понятий, таких как: «приватизация», «кооператор», «рэкет»; когда после кровавых событий в нашей большой стране в Кремль залетел поющий и пьющий, но не состоявшийся дирижёр Ельцин, а у нас тут, в Белоруссии, власть в руки прибрал молодой депутат из крестьян — потом он станет Батькой, а пока что — только надежда на перемены и спасение страны.

Жил я тогда в казённой квартире, работал на заводе и не был вдохновлён ни охотой, ни рыбалкой; азарт и усердие тратил на своих маленьких пацанов и на заочную учёбу аж в третьем институте по привычке учиться, учиться и учиться, как завещал нам дедушка Ленин.

Бешено меняющийся мир летел мимо меня, мимо моих интересов, мимо моей законсервированной жизни и летел бы и дальше, не трогая меня своим крылом, если бы не случай.

Я только что вернулся из Москвы, где успешно сдал экзамены в Литинституте и не менее успешно защитил курсовую работу по творчеству Шиллера, и настроение было патетическое: я хвастался сыновьям тем, какой у них папая молодец и что они должны брать пример с меня.

Будучи на этой приятной для меня волне, я не услышал, как буйно прозвенел дверной звонок.

— Папа, нам звонят. Я открою, — побежал мой старший. А внимательно слушавшему мой хвостовской рассказ младшему я продолжал заливать в свободные уши байки о преимуществах образования.

— Папа, это к тебе. Дядя Боря, — не успел известить сынок, вернувшись, как тут же за ним в дверном проёме нарисовались могучие плечи и круглая, как арбуз, голова Борика.

— Привет! Есть дело! Пошли в кухню! — выстрелил Борик Бешеный в своей бешеной манере излагать всякую мысль и, не дожидаясь моего даже ответа, сам пошёл в кухню.

— Ты нам нужен завтра, едем с хлопцами на рыбалку, взяли ящик водки, за руль некого сажать, а ты не пьющий, — изъяснил суть дела Борик, даже не дав мне сеть за стол.

Я искренне посмеялся и решил подшпилить, уколоть его сарказмом:

— Так вы на рыбалку или на пьянку?

— Конечно, на рыбалку, — уверенно бухнул Борик и удивлённо уставился на меня, не понимая, в чём тут проблема.

— А водка зачем? Ящик водки? — спросил я, уже громко усмехаясь.

Борик отвёл взгляд на секунду и выбросил недоумение от моего наивного вопроса:

— Не понял. А как без водки! Это же рыбалка!

Я тут должен прервать наш с Бориком диалог и объяснить читателю наше с другом взаимное непонимание в отношении к сорокоградусной микстуре. Как-то довелось мне пару раз

быть приглашённым в гости к Борику, и прямо с работы поехали мы к нему домой. Жил Борик тогда почти в центре столицы в квартире на седьмом этаже девятиэтажного бетонного гнезда, полученного от тестя в качестве награды за то, что взял в жёны брюхатую на седьмом месяце дочь его. Приехали, зашли в лифт. Теперь внимание! Как только катающийся шкаф в виде литфта рванул с места и устремился в космос, Борик достал из бокового кармана бутылку белой, резво снял и выбросил тут же на пол крышку и вылил в своё горло всё содержимое ёмкости, да так быстро, что я, онемев, даже не успел сообразить, что это было. В квартиру зашёл он ещё трезвым, а через мгновение уже заснул, сидя в кухне за столом.

Жена, молча наблюдавшая за нашим вторжением в их жилище, ровно и совершенно безучастно посмотрела на него и вышла из кухни, напоследок бросив на меня безразличный взгляд. Посидев некоторое время в крайнем недоумении, почувствовав себя полным идиотом, я встал и ушёл, громко хлопнув входной дверью. И долго потом не встречался с Бориком, перемалывая в себе и обиду, находясь в недоумении, зачем же он приглашал меня в гости.

Прошёл, наверное, год или два. Шелуха обиды в моём добром сердце осыпалась, смылась бесследно, оставив после себя следы юмора, и я уже смеялся, как только вспоминал этот забавный случай, как тут же Борик сам позвонил и сказал, что срочно нужна моя помощь.

В своём тесном боксе он опять возвращал с того света свой очередной будущий шедевр на четырёх изношенных до лысины резинах и всё хвастался, что из этого металлолома он сотворит чуть ли не «Maubach» последней модели, и ему понадобились какие-то токарные чудеса. Понятное дело, я в то время работал на заводе и мог ему помочь. И теперь, перемолов в себе прежнюю обиду, обещал помочь в деле достижения неслыханно наглой мечты сотворения «Maubach», а в благодарность опять был удостоен приглашения в гости. Чёрт меня дёрнул: я согласился и очень пожалел, что опять наступил на старые и уже ржавые грабли.

Я избавляю вас, дорогой мой читатель, от описания подробностей моего визита к другу и однокурснику, скажу только, что участником этого спектакля, этой драмы я уже был и подробно об этом описал выше. Картина маслом повторилась с точностью до «одной сотки», как говорят у нас на заводе инженеры. Уходил я от этого Бармалея с ощущением, будто меня в дерьме поваляли, и был полон ненависти к другу Борику. Но в следующий раз я таки решил пободаться с ним за его предательский, свинский поступок и, навестив его, начал с боевой атаки. На его широкую улыбку и протянутую руку я выпалил сколько мог грубо:

— Пошёл ты в жопу, говнюк! Бармалей подлый!

Борик застыл от моего неожиданно воинственного поведения и выпалил, задумавшись, оставаясь приклеенным к своему месту:

— Что такое? Что ты такой злой?

— Какого чёрта ты меня приглашал к себе?

— В гости! А что?

— Ну ни хрена себе — в гости! Опять нажрался как свинтус и сразу заклинил за столом! Я усесться за стол не успел, а ты завёл свой трактор в горле — храпел, аж потолок плясал надомной!

— Ну и что! Что тут такого? Я что, выпить не имею право после работы? Я же устаю, мне расслабиться надо!

Ну что тут ему скажешь, дорогой мой читатель! Что я был должен сделать? Сказать? Читать ему лекции по этике? Ему это уже читали в институте, из чего он не помнит ровным счётом ни капли и будто живёт в другой Солнечной системе. Думая об этом, мысленно перебирая варианты, убить его тут же, на месте, ну или хотя бы дать в нос, чтобы кровь его дурная струилась два дня, я уставился на него, а он стал рассказывать, какой токарный шедевр нужно ему выточить на моём родном заводе и совершенно забыл о своём свинском поведении.

Ну вот такой он, мой дорогой друг и однокурсник Борик. Сволочь, одним словом! Сви-
нья! Но сволочь и свинья он своя, родная уже до боли в сердце и смеха в лёгких! Поэтому
люблю его такого, какой он есть.

Я тогда удержал себя от физического насилия над Бориком; во-первых, всё же друг он
мне и я его люблю, скотину этакую, а во-вторых, он же может тоже ответить мгновенно, даже не
сообразив, автоматически двинуть свой кулак в сторону моего носа, а кулак его, скажу я вам,
друзья, — это даже не кувалда, а целый тридцати тонный молот! Хряснет — по всему квар-
талу потом буду искать свою закатившуюся чёрт-те куда несчастную и окровавленную голову,
и не факт, что найду. Поэтому не стал я двигать ему в нос и голову свою унёс в целости и
сохранности.

Вернёмся, однако, нашему с ним разговору у меня в кухне. Разговор был долгим и быст-
рым; друг мой, как и всегда, перепрыгивал с одной темы на другую, как обезьяна с ветки на
ветку, и делал он это с такой скоростью и размахивая своими огромными кувалдами на кистях
рук, что я долго не мог найти нить его рассказа. Бесполезно пытался его перебить, задать
вопрос, уточнить — всё тщетно. В общем, в итоге я понял следующее. Парни в количестве
четырёх алкоголиков собираются на рыбалку и алкоголить на лоне природы, где невероятно
красивые пейзажи и глубокая река, где большие и очень большие рыбы истосковались по ним,
жаждут встречи с ними. Как эти понятия — алкоголь и рыбалка — неразрывно, биологически,
как сиамское одно тело на две головы, связаны, я стал понимать позже, когда приехали на место
приключений. А пока что от меня требовалось доставить на место этих рыбаков и вернуть их
в целости и сохранности, но уже алкоголиков, как я подозревал.

— На чём едем? — спросил я, резко прервав искромётный рассказ Борика.

— На джипе! У Длинного джип нарисовался! Дядя пригнал. Он за границей живёт, —
закончил свои стрельбы Борик и уставился на меня в ожидании моего согласия.

— Ладно, поедем, — сказал я, поразмыслив. — Если на джипе, это уже интересно.

В те годы уже начали появляться иномарки на улицах наших городов, за которыми гаиш-
ники, в надежде сорвать куш, охотились как браконьеры за лосями в белорусских лесах. Ехал я
однажды с приятелем на его подержанной, полуживой иномарке из столицы в наш небольшой
ухаженный городок, так на отрезке пути от точки до точки, равной пятидесяти километрам,
и то остановили нас пять раз и семь раз потребовали — да, именно потребовали, а не предло-
жили — откупиться взяткой. Но чтобы на джипе ехать на рыбалку, это уже было в то время
весьма необычное и рискованное занятие. И заманчивое. Не всё же время будем ехать по полям
и лесам, по асфальту придётся добрых сотню накатать — на джипе! — а там уже бандиты
на государственной службе и в форме гаишников с пистолетами на боку выглядывают из-за
кустов, надёжно спрятав своё транспортное средство в лесу.

Рано утром я прибыл на точку дислокации. Солнце ещё не пробудилось, его шаль-
ные лучи с трудом пробивались через густой утренний туман. Суетливые фигуры моих дру-
зей-рыбаков нашёл я при помощи уличных фонарей, но оттого, что я увидел подойдя ближе,
глаза мои выпрыгнули на метр вперёд, осветив весь двор, и я застыл на вечность, обалдев,
очумев, потеряв не только дар речи, но и саму речь; лёгкие мои перестали дышать, сердце моё
остановилось.

Вряд ли я смогу достоверно описать картину, которая предстала перед моими упавшими
уже на пол глазами, — она плохо поддаётся описанию, но для примерного прояснения скажу,
что передо мной вместо машины стоял объект примерно такой, какой мог нарисовать дошколь-
ник, что первый раз в жизни еле держал в руке карандаш. Задняя дверца так называемого
«джипа» подпёрта веслом прямо от земли, и рыбаки что-то спешно загружают в багажник.
Борик, как обычно, суетился: то бережно укрывал со всех сторон пластиковый ящик со страте-
гической жидкостью, то командовал своими друзьями, спрашивал, всё ли взяли для закуски,
для костра.

Увидев ящик водки, я аж крикнул:

— Ну ни хрена себе! Где взяли?

Моё удивление имело вполне экономическое и не менее стратегическое политическое основание. Ведь водку тогда, как, впрочем, и почти все другие товары, продавали только по талонам, и не более двух поллитровок в руки. Увидеть целый ящик водки в этом разваливающемся драндулете было для меня так же впечатлительно и удивительно, как если бы я увидел тут ящик копчёной колбасы, что в то время было просто невозможно.

Чтобы не мешать командиру экспедиции в его стараниях организовать поход уникальным и универсальным, я решил совершить круиз вокруг чуда американского автопрома времён открытия Америки Фернаном Магелланом и скажу вам без преувеличения, что если бы мой прапрадедущка, который вместе с имамом Шамилем воевал на Кавказе против русских войск, увидел меня за рулём этого чуда автопрома, то со слезами в глазах и от нечеловеческой жалости к бедным белорусам, он сразу отдал бы им весь Северный Кавказ без боя.

Правая задняя дверь этого чуда была без ручки и не очень надёжно прикручена к чему-то внутри этой ржавой консервной банки обычной обвязочной проволокой; вместе стекла, потертанного, наверное, во время Гражданской войны между Севером и Югом, красовалась треснувшая и выцветшая фанера; передняя правая дверь была со стеклом, но перекошенным так, что медведь может достать лапой трясущегося от страха пассажира в случае встречи с ним в лесу — они тогда были так же голодны, как и люди. Переднего правого крыла нет совсем, и сие обстоятельство открывало мне панораму колеса: я, будучи инженером-автомехаником, как прямо и написано в моём дипломе, так и не понял, что это за произведение инженерной мысли и какого производителя резиновое изделие впендюрено в ноги импортного шедевра — то ли от гаубицы времён Первой мировой, то ли от мотоблока последней модели. Такого произведения искусства я не видел ни в Лувре, ни в Эрмитаже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.